

Глава 18. Ещё не пал

Эта ночь не обещала быть мирной.

Е Му никогда не замечал за собой таланта к лазанию по деревьям. Однако сейчас, уворачиваясь, прыгая и цепляясь за густые ветви, он двигался настолько ловко и стремительно, что дал бы фору любому лесному зверю.

В игре его персонаж, Цие Вожо, действительно владел скрытым навыком ассасинов Зала Семи Убийств — «Техникой хождения по стенам». То, что тело переняло эти рефлексy, вполне объясняло его нынешнюю прыть. Беда в том, что в реальном мире он не взбирался на деревья последние пятнадцать лет — с тех самых пор, как ему исполнилось семь.

Потенциал человека раскрывается лишь на грани выживания — эта истина воистину нерушима.

Когда ты висишь на отвесной скале на высоте в тысячу метров, судорожно цепляясь лишь за выступы камней да узловатые ветви; когда над головой кружит и истошно вопит стая Сов, предвещающих смерть, а сверху высматривают добычу демоны; когда под ногами зияет бездонная черная пропасть, а по уступам шныряют мелкие проворные демоны-паразиты, готовые в любой миг вцепиться в горло — волей-неволей научишься хвататься за каждую ветку и бесшумно скользить сквозь листву.

Рана на спине горела огнем. Каждый раз, когда он тянулся к очередной ветке, по телу прокатывалась новая волна острой боли, но он попросту не обращал на неё внимания.

Эту длинную отметину оставил когтистый демон прямо перед тем, как Е Му прыгнул со скалы. Пытаясь увернуться от тяжелой дубины демона грубой мощи, он подставился под удар. Тогда от боли в глазах потемнело, и он едва не сорвался в пропасть. Теперь же он почти привык.

Изначально у него был другой план. Однако натиск врагов превзошел все ожидания — казалось, на прочесывание горы бросили целую армию демонов. Под конец пути Е Му едва мог сделать шаг: любая заминка грозила окружением, из которого уже не вырваться. Огни факелов превратили лесной сумрак в слепящий день, а на игровой карте красные точки врагов слились в сплошное багровое пятно, накрывшее весь район.

Хуже того, преследователи словно читали его мысли. Стоило ему сбросить погоню и затаиться, как уже через минуту к его убежищу стягивались новые отряды, не давая ни секунды на передышку и восстановление сил. Если бы демоны по какой-то причине не щадили его, избегая смертельных ударов, он давно бы погиб в одной из прошлых стычек.

Это до ужаса напоминало действие благовония фиксации души из игры. Только вот врагов, шедших по следу неотступно, как гончие, сейчас было во много раз больше, а расплата за поимку не ограничивалась потерей пары уровней.

Поняв, что в лесу больше не укрыться, Е Му решился на крайние меры. Выбежав к обрыву на глазах у преследователей, он перемахнул через край и соскользнул вниз по отвесной круче.

На карте в средней части утеса был отмечен вход в пещеру.

Вспомнив слова Хэ Ляна о тайном лазе Зала Семи Убийств, ведущем наружу, он решил рискнуть.

Пальцы, шарившие по темной стене, вдруг провалились в пустоту сквозь густые заросли плюща. Нащупав скрытый проем, Е Му облегченно вздохнул. Ориентируясь по тусклому свечению системного интерфейса, он дождался очередного истошного вопля этих сов и под прикрытием этого шума скользнул внутрь. Шорох раздвигаемых веток утонул в жутких криках птиц, не привлекая внимания погони.

Не успел он осмотреться, как из темноты с глухим рычанием на него бросился чей-то невысокий силуэт.

Парные клинки за спиной достать он не успевал. Потеряв равновесие у самого входа, Е Му попытался уклониться, но в темноте со всего маху налетел плечом на каменный выступ. Рана на спине отозвалась вспышкой нестерпимой боли, в голове помутилось, и защитный блок смазлся.

Левую ладонь пронзила резкая боль. Не раздумывая, Е Му вслепую выхватил правой рукой клинок и наотмашь рубанул нападавшего, рассекая его надвое.

В пещере воцарилась тишина. Напряженно вглядываясь в темноту и не чувствуя чужой ауры, он опустил взгляд. В багровом сиянии интерфейса Е Му увидел, что в его левую кисть мертвой хваткой вцепился обрубок детской головы, покрытый полусгнившей плотью.

Убрав клинок, он с трудом разжал окоченевшие челюсти. Голова с тихим стуком покатилась по каменному полу, оставив на ребре ладони рваную, сочащуюся кровью рану, сквозь которую белела кость.

Этот трупный дух был лишен ног. Не заползи Е Му в пещеру на четвереньках, оказавшись с тварью на одном уровне, она бы не представила для него никакой опасности. Но сейчас этот жалкий огрызок нанес ему самый коварный удар.

Карта автоматически переключилась на подземный режим, прорисовав паутину переходов, залы и потайные комнаты. В углу экрана одна за другой вспыхнули системные строки.

[Вы убили слабого трупного духа. Получено репутации наемника: +10]

[Поздравляем! Требования выполнены. Ваши очки греха полностью очищены]

[Списание очков греха: израсходовано 3000 единиц репутации наемника]

[Очки греха снижены до нуля. Заблокированные системные функции восстановлены]

[Внимание: репутация наемника ниже 10 единиц. При отрицательном значении произойдет принудительный выход из локации]

[Внимание: репутация наемника равна нулю. Доступ к связанным функциям временно ограничен]

Сердце Е Му ушло в пятки. Он попытался открыть инвентарь, но в ответ раздалась лишь глухая тишина — система не откликнулась.

На левом запястье проступил второй узор — татуировка верного зверя, но она оставалась безжизненной и блеклой.

В это же время скакавшая во весь опор Погоня за Ветром внезапно растаяла в воздухе. Е Цан, не успев сгруппироваться, кубарем полетел на землю. Он не спешил подниматься — так и застыл в дорожной пыли, потрясенно глядя перед собой.

— Отец? — тихо прошептал он.

«Ты ведь в порядке... правда?»

Пальцы юноши судорожно сжались, глубоко вонзаясь в сухую, жесткую землю.

А синеволосая девушка после очередного сеанса гадания мелко задрожала. Её невидящий взор уставился в пустоту, а она без конца шептала:

— Где же он... где он?..

Человек в плаще опустил ладонь ей на плечо:

— Ли, на сегодня довольно.

Он слегка повернул голову, раздавая приказы подчиненным:

— Тщательно прочесать этот склон. Перекрыть все входы и выходы из ущелья. Остальным силам — разбить лагерь и ждать рассвета. С первыми лучами солнца возобновим поиски.

Демон-гвардеец безмолвно склонил голову, повинуюсь приказу.

Тем временем тот, кого они так упорно искали, брел по извилистым лабиринтам пещеры, опираясь о холодный шершавый камень и спотыкаясь на каждом шагу.

Перетянутая жгутом левая рука давно онемела. Перед глазамиплыли темные круги, в ушах стоял непрерывный гул — Е Му понимал, что в кровь попал трупный яд. С трудом различая очертания плывущей перед глазами карты, он пытался отыскать среди сплетения коридоров ближайшую потайную комнату.

Силы стремительно покидали его. Сначала он волочил ноги, а затем и вовсе рухнул на колени, продолжая путь ползком. Пару раз сознание грозило угаснуть окончательно, но внутренний голос упрямо заставлял возвращаться к реальности. Переведя дух, Е Му упрямо полз дальше.

Он прекрасно понимал, что физическое напряжение разгоняет отравленную кровь, приближая смерть, но оставаться на месте и смиренно ждать, пока его найдут, было выше его сил. Он предпочитал бороться за призрачный шанс выжить.

В затухающем, колеблющемся зрении Е Му увидел, как синий маркер карты застыл прямо у входа в тайник.

Он уже не различал, что находится вокруг. Собрав последние крохи воли, Е Му попытался приподняться и нащупать скрытый механизм на стене. Ему казалось, что он делает это, но на деле он лишь мелко вздрогнул и завалился на бок.

Кровь, сочившаяся из раны, окропила каменные плиты. Вдруг пол бесшумно разошелся в стороны, словно разинутая пасть, и Е Му покатился в разверзшуюся тьму.

Плиты сошлись. Лишь тянувшийся по коридору багровый след обрывался здесь странной, пугающей пустотой.

Ему казалось, будто он погрузился в бесконечный, тягучий сон.

Он снова был маленьким мальком, который сидел один на скамейке в парке. Тело горело от сильного жара, дышать было тяжело. Но уйти он не мог. Он ждал.

Кого именно? Он уже не помнил.

Вокруг беззаботно резвились другие дети, звенел их смех, а рядом стояли улыбающиеся родители. Малыш смотрел на них с легкой завистью, но в то же время его сердце трепетало от робкого предвкушения.

Почему? Он и сам не знал.

Постепенно парк опустел. Все разошлись по домам, и он остался один. Спустились сумерки, принеся с собой пронизывающий холод. Мальчик чувствовал, что замерзает.

Он поднялся, испуганно огляделся по сторонам — вокруг высились лишь безмолвные черные силуэты деревьев. Стало по-настоящему страшно.

На газоне неподалеку лежало декоративное бревно, выкрашенное в яркие цвета, с полым нутром и круглым лазом посередине. Днем он видел, как в него весело забирались другие дети.

Мальчик скользнул внутрь, свернулся калачиком и уставился на круглое отверстие, отчаянно стараясь не смыкать глаз. Он ужасно боялся пропустить появление того, кого ждал.

Сквозь бревно сквозило, ледяной ветер пробирал до костей, но он сильнее прижал колени к груди. В самой глубине его маленького сердца все еще теплился крохотный огонек.

Уснул ли он? Приходил ли кто-то? Ответа не было.

Когда рассвело, он выбрался наружу и снова сел на скамейку. Голова раскалывалась от жара, но первые лучи солнца принесли слабое облегчение.

Парк вновь стал заполняться людьми. Мимо проходили дети, жуя разноцветные лакомства. Мальчик проводил их голодным взглядом, шумно сглотив слюну.

Двое сорванцов, заигравшись, уронили на землю леденцовую фигурку. Сахарный человечек раскололся и мгновенно покрылся пылью. Послышался громкий рев, но подросшая мама быстро утешила ребенка, и вскоре они ушли, держа в руках новую сладость.

Разбитый леденец остался лежать в пыли, переливаясь на солнце всеми цветами радуги. Малышу он показался самым прекрасным сокровищем на свете.

Оглядевшись и убедившись, что на него никто не смотрит, он со всех ног бросился к осколкам, схватил их и торопливо засунул в рот. Сердце колотилось от стыда, словно он совершил ужасное преступление. Добежав до скамейки, он чинно уселся на место.

Сахар медленно таял на языке. Было сладко и тепло. Ему казалось, что ничего вкуснее он в жизни не пробовал.

Но жар никуда не делся. После короткой пробежки голова закружилась еще сильнее. «Когда же придут за мной?»

Он смотрел, как редет толпа, как солнце неумолимо катится к горизонту, уступая место ночи, пока сознание окончательно не померкло.

Кого он ждал? Он не знал.

В тот миг, когда его поглотила тьма, в мыслях пронеслось:

«Этот человек... так и не пришел».

«Но разве ты не знал об этом с самого начала?»

Да, он знал. Понял еще тогда, когда проснулся посреди ночи от жажды и случайно подслушал разговор родителей на кухне.

Почему он тогда не вбежал к ним, не расплакался, выпрашивая ласку, а тихо вернулся в постель и притворился спящим?

«Потому что верил, что они его никогда не бросят?»

Нет.

Напротив — он знал, что не нужен им.

«Видишь? Ты с самого начала был один».

«А значит, бояться больше нечего».

Е Му лежал во тьме без движения, его бледное лицо уже тронула зловещая серость, предвещающая скорую смерть.

В пещере снаружи мелькнул свет факела. Один из патрулирующих коридоры демонов-гвардейцев внезапно замер прямо у скрытого входа в тайник.

Опустившись на одно колено, воин коснулся пальцами засохшего серого пятна на полу. Стоило слегка потереть его, как грязь рассыпалась мелкой пылью.

Приподняв факел, он взгляделся в темноту и заметил тянущуюся по каменным плитам блеклую полосу.

Пройдя по следу до самого обрыва, где снаружи все еще кричали эти совы, демон остановился.

Он нажал на несколько скрытых выступов в стене. Вход в пещеру бесшумно перекрыла каменная плита, укрытая снаружи густыми зарослями дикого плюща — теперь она ничем не отличалась от монолитной скалы.

С закрытием лаза жуткие крики сов, наконец затихли. Гвардеец вернулся к потайному ходу, коснулся шеи и одним плавным движением стянул с себя маску, под которой скрывалось красивое лицо Хэ Ляна.

Без видимых усилий он заставил каменный зев распахнуться вновь. Хэ Лян скользнул вниз по наклонному скату, держа факел над головой. Плиты за его спиной сомкнулись, оставив лишь колеблющийся золотистый свет огня посреди вечной тьмы.

Спустившись на самое дно потайной обители, Хэ Лян увидел лежащего в густой траве Е Му и горько, но тепло улыбнулся:

— Е-сюн, ты не перестаешь меня удивлять.

Поднявшись, он вставил факел в настенный держатель и принялся споро хлопотать в подземном саду, который больше походил на заброшенный аптекарский огород.

А Е Му все глубже уходил в лабиринты своего лихорадочного сна.

Там тоже был человек. Его лицо оставалось скрыто туманной дымкой.

Но именно он когда-то подарил ему тепло и радость, вырвав из лап вечного одиночества.

Е Му был благодарен ему. Он полюбил его... всем сердцем.

Этот человек стал для него целой вселенной.

Ему было плевать на пересуды за спиной, но он ни за что не позволил бы собственным

чувствам причинить вред любимому.

Ему хватало просто быть рядом, просто видеть его. А если чувства безответны — что ж, он мог хранить эту тайну в одиночку.

Поэтому, когда тот человек неожиданно ответил взаимностью, Е Му едва не сошел с ума от счастья.

Он берег их любовь как величайшее сокровище, отдавая себя без остатка и пытаясь сделать для него все возможное.

Но со временем все изменилось.

Он научился угадывать малейшие перемены в его настроении, стремясь дать ему все, чего тот желал.

Но однажды тот сказал ему:

— Любить по-настоящему — значит делиться собственными желаниями, доверять партнеру то, что дорого тебе самому. А ты никогда не просил у меня ничего для себя.

Он клялся быть предельно честным, не скрывая ни единого слова.

А тот лишь качал головой:

— Правда порой ранит сильнее ножа. Ты настолько упрям, что даже ради меня не способен на ложь во спасение.

Ни один из них не пожелал поступиться принципами. Напряжение росло, пока не грянул взрыв. Тот человек разжал ладонь и ушел, даже не обернувшись.

Глядя ему вслед, Е Му почувствовал, как в его жизнь триумфально возвращается тот самый холодный вечер в пустом парке — бесконечная тьма и леденящая стужа.

Он не стал окликать его. Точно так же, как много лет назад молча прошел мимо закрытой двери родительской спальни.

«Прости».

«Я могу пожертвовать собой ради любви к тебе».

«Но я никогда не смогу предать собственную суть».

«А значит, те твои слова были чистой правдой».

«Больше всего на свете я люблю самого себя».

Раны Е Му были аккуратно и надежно перевязаны. Зловещий серый оттенок сошел с кожи, уступив место пунцовому жару лихорадки.

Но даже в беспамятстве он лежал тихо, не издав ни единого стога.

Взглянув на пылающего в жару Е Му, а затем на дымящийся отвар в чаше, Хэ Лян принялся внимательно всматриваться в его лицо.

Обычно это лицо казалось холодным и безучастным, но сейчас, в полумраке, трудно было не признать его благородных, точеных черт. Черные волосы, всегда прибранные волосок к волоску, разметались по плечам. Из-за большой потери крови щеки оставались мертвенно-бледными — даже лихорадочный румянец не мог пробиться сквозь эту бледность. Даже сейчас, с закрытыми глазами, Е Му выглядел непрístupным, словно отгораживаясь от всего мира.

— Что ж, будем считать, что я не в обиде, — усмехнулся Хэ Лян.

Приподняв Е Му и уложив его голову себе на грудь, Хэ Лян сделал глоток горького отвара. Он склонился ниже, прижал свои губы к его губам и, мягко разомкнув их кончиком языка, неторопливо влил лекарство.

Повторив это несколько раз, пока чаша не опустела, Хэ Лян отстранился, слегка нахмурившись от удивления.

С горьким вкусом трав все было понятно, но откуда на губах Е Му взялся отчетливый привкус молока?

Не став раздумывать над этим, он бережно уложил раненого обратно на траву, поднялся и провел ладонью по лицу. Маска послушно вернула ему облик демона-гвардейца.

Он пробыл здесь слишком долго. Нужно было поскорее вернуться в строй — командира патруля не так-то просто водить за нос.

Е Му казалось, что он блуждает во тьме целую вечность.

Он давно привык к этому состоянию и принял его, а потому не испытывал особого страха.

Вокруг царил пронизывающий холод, но и к нему можно было привыкнуть. А если становилось совсем невмоготу, оставалось только бежать. И пусть бег не согревал ни на йоту, изнурительная усталость приносила странное облегчение: на ее фоне чистый, незамутненный холод казался почти благословением.

Поэтому, когда его внезапно окутало мягкое тепло, он вздрогнул от неожиданности.

Это непривычное чувство пугало, но прогонять его не хотелось.

«Разве после тепла стужа не покажется еще невыносимее? Ну и пусть. Привыкну потом».

Он не боялся холода, но и от тепла отказываться не собирался.

К тому же это тепло казалось до боли знакомым — живым, человеческим.

Е Му медленно открыл глаза.

Прикосновение к губам исчезло. Мягкий оранжевый свет факела рассеял полумрак, а над ним склонился человек. Слегка наклонив голову, тот улыбнулся:

— Очнулся?

Моргнув, чтобы сфокусировать зрение, Е Му присмотрелся к смутным очертаниям лица. Картинка наконец обрела четкость. Он помедлил мгновение и тихо произнес:

— Хэ Лян.

<http://bllate.org/book/18186/1758205>